Глава 2. Первая проба сил

Войдя в кабинет, Ваньянь Хунле не сразу заметил перемены, но, стоило ему подойти ближе, как он увидел сына. Маленький Ваньянь Кан уснул прямо в кресле, нелепо и трогательно склонив голову. Князь Чжао невольно улыбнулся — в ней смешались нежность и мягкий укор. Он поспешил к мальчику, намереваясь отнести его в спальню, но, когда уже протянул руки, он заметил стопку аккуратно исписанных листов, лежавших на столе. Ваньянь Хунле замер.

Летящий, живой почерк — он сразу узнал руку сына. Но такой объём текста… Для трёхлетнего ребёнка это был титанический труд. Неудивительно, что бедняжка заснул от изнеможения прямо на месте.

Ваньянь Хунле и раньше видел, как Кан-эр упражняется в каллиграфии, но тот впервые решился работать в отцовском кабинете. Что же могло так увлечь мальчика, что он, не дойдя до своих покоев, принялся писать в этой неудобной обстановке?

Любопытство взяло верх. Князь Чжао принялся перелистывать бумаги, и чем дальше он читал, тем сложнее становилось выражение его лица. К финалу в его душе бушевал вихрь противоречивых чувств: восторг мешался с глухим беспокойством. Он снова перевёл взгляд на спящего ребёнка. За какие заслуги небо даровало ему, Ваньянь Хунле, столь выдающегося наследника?

На этих листах был разобран вопрос, который император-отец задал всем принцам. Сам Ваньянь Хунле долго размышлял над ним, прежде чем составить ответ, которым мог бы гордиться. Но предложения Кан-эра… Пусть в некоторых моментах им не хватало глубины жизненного опыта, сама структура анализа была безупречной. Более того, в вопросах, которые обычно игнорировались как незначительные, но таили в себе смертельную угрозу для государства, мальчик предложил поразительно свежие идеи.

Однако именно в этой новизне и крылась опасность. Проблемы не замечали не потому, что их не было, а потому, что они давно стали частью привычного уклада. Любая попытка решить их встретит колоссальное сопротивление. Путь, который наметил его сын, был верным, но бесконечно трудным.

Погружённый в эти тяжёлые думы, Ваньянь Хунле осторожно поднял мальчика на руки и отнёс в спальню. Он заботливо укрыл его одеялом и присел у стола, глядя вдаль. Из-за своей задумчивости он не заметил, как Ваньянь Кан приоткрыл глаза.

По застывшему, сложному взгляду отца он понял: его анализ возымел действие. Значит, не зря он решился на этот риск — отец действительно любил его больше всего на свете. Мальчик прикрыл глаза, и в его душе промелькнула тень печали. «Лишь бы не было слишком поздно», — подумал он.

Глухой, натужный кашель разорвал тишину, прервав мысли и отца, и сына. Ваньянь Хунле мгновенно вскочил и громко приказал позвать лекаря.

За последние три года Кан-эр стабильно болел пару раз в неделю. И хотя выздоравливал он быстро, любящий князь Чжао распорядился, чтобы дежурный врач всегда находился в покоях по соседству.

Вскоре в комнату вошёл старец с пышной седой бородой, крепко сжимавший в руках тяжёлый сундук с лекарствами.

— Всего лишь лёгкая простуда, — заключил он после осмотра. — Достаточно будет одного отвара.

Глядя, как старик сосредоточенно выписывает рецепт, и чувствуя на себе исполненный тревоги взгляд отца, мальчик ощутил, как к сердцу подступает волна тепла.

— Впредь я запрещаю тебе засыпать в таких местах, — произнёс Ваньянь Хунле. Он попытался придать голосу строгость, которую никогда не использовал в общении с сыном, но это лишь усилило нежность момента.

— Слушаюсь, Кан-эр всё понял, — кротко отозвался мальчик.

Он невинно и светло улыбнулся, в мгновение ока разрушив напускную суровость князя Чжао. Ваньянь Хунле лишь вздохнул, а радость в душе маленького принца стала ещё полнее.

Под бдительным надзором отца Ваньянь Кан, хоть и поморщился от неохоты, залпом осушил чашу с лекарством. Каждый раз, когда дело доходило до этих снадобий, он с тоской вспоминал прошлую жизнь. Китайская медицина была невыносимо горькой. Сколько бы он ни пил её за эти три года, привыкнуть так и не смог. Куда приятнее были таблетки в сладкой оболочке… Впрочем, в той жизни он вообще ленился лечиться, предпочитая ждать, пока всё пройдёт само. Отогнав эти мысли, он украдкой взглянул на отца и улыбнулся. Пожалуй, такая забота стоила любой горечи.

Вскоре подействовало сонное снадобье, и мальчик провалился в забытье. Когда он снова открыл глаза, за окном брезжил рассвет. Первое, что он увидел — отец всё так же сидел у кровати, внимательно перечитывая его записи. Видимо, даже услышав от лекаря, что опасности нет, князь Чжао не смог успокоиться и решил лично оберегать сон сына.

— Кан-эр, проснулся? Тебе лучше?

— Намного. Тебе тоже нужно отдохнуть, отец.

Если память не изменяла мальчику, завтра утром отцу предстояло отправиться во дворец на аудиенцию к дедушке-императору. Если он не ляжет сейчас, времени на сон совсем не останется.

— Не стоит. Всё равно уже светает, — мягко ответил Ваньянь Хунле. — К тому же ты только проснулся и вряд ли сразу уснёшь. Тебе ведь будет скучно одному?

Ваньянь Кан замер от неожиданности. Значит, отец с самого начала собирался просидеть с ним всю ночь?

— Отец… — он запнулся, указывая на листы в руках князя Чжао. — Что ты думаешь о моём анализе?

Ваньянь Хунле не ожидал, что сын спросит об этом напрямую. Он помедлил, тщательно подбирая слова, и наконец произнёс:

— Труд не лишён изъянов, но некоторые методы определённо стоит испробовать. — Этот ответ был идеален: он давал признание, но не позволял развиться гордыне. В конце Ваньянь Хунле всё же не удержался от вопроса: — Расскажи, как тебе это пришло в голову?

— Вычитал в книгах. И просто думал сам, — это не было ложью, просто в список прочитанных книг он включил и те, что остались в памяти из прошлой жизни.

— И всё же не забивай себе голову этими заботами, — вздохнул князь Чжао. — Ты ещё слишком мал. Оставь тревоги до тех пор, пока не вырастешь.

Если сейчас заковать себя в кандалы государственных дел, о беззаботном детстве можно забыть навсегда.

Ваньянь Кан разочарованно опустил голову. Он и правда слишком поспешил. Ему всего три года — какой бы блестящий трактат он ни написал, к нему не отнесутся всерьёз. А время утекало сквозь пальцы.

Заметив огорчение сына, Ваньянь Хунле смягчился.

— Впрочем, — добавил он, — я могу использовать твои вопросы в качестве экзаменационных задач для тебя в будущем.

— Правда? Это замечательно!

Глядя на искреннюю радость ребёнка, Ваньянь Хунле невольно подумал: «Пусть делает что хочет, лишь бы был счастлив».

— Но если ты снова заболеешь из-за этого, мне придётся серьёзно пересмотреть своё решение.

Улыбка Ваньянь Кана снова стала мягкой и тёплой. Это была безусловная любовь, и он не мог её не ценить.

http://bllate.org/book/17543/1700358